

Москва

10
2017

Журнал русской культуры

Выходит с марта 1957 г.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Союз писателей России

Российский Фонд Мира

Трудовой коллектив

журнала «Москва»

10

2017

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Юрий ВИГОРЬ. Тьма прозрения. <i>Рассказ</i>	3
Максим ЗАМШЕВ. Снилось мне все, что нельзя. <i>Стихи</i>	20
Александр СЕГЕНЬ. Циньен. <i>Роман</i>	25
Ярослав КАУРОВ. На высоких берегах. <i>Стихи</i>	106
Михаил ПАВЛОВ. Черным по белому. <i>Рассказы</i>	109
Евгений ЧЕПУРНЫХ. Что за речка течет. <i>Стихи.</i> —	
Максим ЕРШОВ. «Двенадцать» Евгения Чепурных	134
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Катя Варенцова. <i>Рассказ</i>	143

ПУБЛИЦИСТИКА

Михаил СМОЛИН. Государство и его болезни	151
Константин ЗАЛЕССКИЙ. Взгляд с Запада	156

КУЛЬТУРА

**К 50-летию первой публикации «Мастера и Маргариты»
в журнале «Москва»**

Сергей АКЧУРИН. Булгаков и колдуны. <i>Рассказ</i>	168
Валентин ОСИПОВ. Извращение классики	175
Вячеслав КИКТЕНКО. «Написана грамотка по синему бархату...»	181
Николай ГОЛОВКИН. Москва, Киев, далее — везде...	191
Сергей СТЕПАНОВ. «Не забыть самого главного»	201
Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА. Два креста Константина Батюшкова	205

МОСКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

Алексей МИНКИН. **Вода, сады, кану́нник прошлого** 218

ДОМАШНЯЯ ЦЕРКОВЬ

Самых честных правил. Беседа с епископом ТИХОНОМ	224
Ирина МЕДВЕДЕВА, Татьяна ШИШОВА. Шесть признаков антижизни	227
Архимандрит РАФАИЛ (КАРЕЛИН). О послушании монахов и мирян	234
Архиепископ НИКОН (РОЖДЕСТВЕНСКИЙ). «Станем добре, станем со страхом!»	238

Главный редактор В.В. АРТЕМОВ (495) 691-71-10

Генеральный директор В.В. КОВАЛЕВ (495) 691-83-91

Заместитель главного редактора М.М. ПОПОВ (495) 691-71-10

Ответственный секретарь О.И. КИРЕЕНКО (495) 691-83-64

Отдел прозы и поэзии Т.А. НЕРЕТИНА (495) 691-68-01

Домашняя церковь С.И. НОСЕНКО (495) 691-68-01

Главный бухгалтер Л.Э. БУДНИКОВА (495) 691-83-84

Заведующая редакцией М.В. БИКАШОВА (495) 691-71-10

Корректор О.И. ИВАНОВА

Технический редактор Е.Ю. ЕРОФЕЕВА

Общественный совет:

игумен ЕВФИМИЙ (МОИСЕЕВ), П.Н. КРАСНОВ, В.Н. КРУПИН, В.А. КУЛЬЧИЦКИЙ,
П.В. МУЛЬТАТУЛИ, А.С. САЛУЦКИЙ,
М.Б. СМОЛИН (председатель), епископ ТИХОН (ШЕВКУНОВ)

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Отклоненные рукописи сохраняются в течение года. Рукописи, присланные по электронной почте, не рассматриваются. Материалы принимаются только в распечатанном виде по адресу редакции. Журнал не публикует поэмы, либретто и сценарии.

Подписано в печать 14.09.17. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная. Печать офсетная.
Тираж 1480 экз. Заказ 6350-2017

Свидетельство о регистрации № 554 от 29 декабря 1990 года Министерства печати Российской Федерации

Подписные индексы: 73253 — каталог РОСПЕЧАТЬ, 15612 — «Пресса России», 45211 — каталог «МАП».

Адрес редакции: 119002, Москва, ул. Арбат, д. 20. Телефон +7(495) 691-71-10. Факс +7(495) 691-07-32.

Электронная версия журнала: www.moskvam.ru

e-mail: priem@moskvam.ru

Отпечатано в АО «Красная Звезда». 123007, г. Москва, Хорошевское ш., 38. Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62. Сайт: www.redstarph.ru; e-mail: kr_zvezda@mail.ru.

ISSN 0131-2332

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Москва» № 10, 2017

ЮРИЙ ВИГОРЬ

ТЬМА ПРОЗРЕНИЯ

Юрий Павлович Вигорь родился в 1940 году в Одессе. Окончил Одесский институт инженеров морского флота.

Еще в юности увлекся охотой, много путешествовал. В качестве специального корреспондента газеты «Труд» исколесил почти всю страну. Регулярно выступает в периодической печати со статьями и очерками на тему охраны природы. Печатался в журналах «Новый мир», «Север», «Крестьянка» и др.

Автор книг «У самого Белого моря», «Анзорские острова», «Дорогами России», «Охотничья жилка».

Лауреат журнала «Студенческий меридиан» за лучшую приключенческую повесть года (1982).

Живет в Москве.

РАССКАЗ

1

Вдоль стен унылых домов тянулись палисадники, в них сидели, точно добровольные узники в клетках, скучающие старые матросы, портовые грузчики, боцманматы, вернувшиеся из рейса кочегары и шкипера. В этом старом одесском дворе жил забитый рабочий люд, рыбаки, портовые проститутки, торговки зеленью и мидиями. По вечерам резались в карты, пили вино, спорили о всякой чепухе и пытались найти лекарство от скуки. Был тихий июльский вечер, в небе носились стрижи, ничто не предвещало внезапного поворота сюжета, скука прочно окопалась в фикусах на подоконниках и въелась в тряпичные абажуры. И вдруг старый трамвайный вор Эрлен Киян крикнул, брызгая слюной на степенного кочегара Дуборенко, жилистого человека с угристым лицом и задумчивыми глазами удильщика бычков:

— Давай помажем! Ставлю все, что у меня в кармане, на кон! Рыжий победит в драке!

Киян любил заключать пари по любому пустяку: на рубль, на трояк, на пятерку. Он не мог пропустить ни одну дворовую драку. В нем жил азарт игрока. Жизнь отупляла унылостью, а он пытался бросить ей вызов и в минуты просветления мечтал прорваться в параллельное пространство. Но натыкался на покрытую плесенью бетонную стену в конце нашего двора, где был гальюн и вечно закатывали на крыше мусорника серенады коты — они на свой манер лечились от скуки. В юности Киян мечтал играть на фаготе. Зачем жизнь сделала из него вора? Этого не знал Сам Бог. Киян мстил творцу. Он был вором-атеистом. Трезвый, он не обидел бы мухи, но под хмельком был непредсказуем и выражался весьма аполитично.

Мальчишеские драки в нашем дворе заменяли дворовым патрици-

ям бой гладиаторов. Гарпунер Семен Дробыга, человек со сплюснутым лицом и синеватыми скулами пелаמידы*, кричал мне:

— Шут гороховый, да возьми трубу, вдарь по кумполу Рыжего — и дело с концом! Он же тебе выбьет палкой глаз.

Семен знал, как меня зовут, знал, что я хожу в пятый класс, но в такие минуты гладиаторов не принято называть бойцов собственными именами.

Красотка Анжела, портовая сильфида, хохотала хриплым сопрано и держала пари на три рубля, что я устою не больше семи минут против Рыжего, то есть Котьки Собакини из соседнего двора. Котька был старше меня на год и ходил в шестой класс. Мне от него здорово доставалось. И всему виной была душевная скука. Она разъедала души Пересыпи, как рак. Я частенько был бит и другими бойцами, потому что сражался в рваных сандалиях. Это Анжела дала мне кличку Синяк. В душе она жалела меня и порой подбадривала в драках, вытирала платком кровь. Но стоило ей выпить, и она впадала в раж. Она безумно любила всевозможные дворовые скандалы, сплетни, разборки, стычки моряков, ночную поножовщину возле нашего кафе «Шаланда», уличные транспортные аварии, облавы, которые проводило НКВД в начале пятидесятых на Пересыпи и Молдаванке. У нее была отмазка: она стучала на фарцовщиков и стилияг, карауливших иностранных моряков за проходной нефтегавани на Втором Заливном, хотя выгоды от этого не имела никакой. Это тоже было своего рода лекарством от скуки.

...Котька бил вразмашку. Свирепо, непредсказуемо. Но тяжеловато, с оттяжкой. Его удары сыпались как подгнившие арбузы. Их трудно было отбить. Но можно было легко увернуться. Он был чуть выше меня ростом. Со временем я изучил его манеру драться. Но главное — это смотреть ему в глаза. Упаси бог повернуться к бющему вас человеку спиной или даже просто попытаться отвернуться. Я приседал, делал уклоны, отскоки, финтил и изображал китайский театр теней. Однако синяков на моем лице не становилось меньше. Левый кулак я держал на уровне виска, словно щит, парируя удары правой.

— Ну и вертляв же пацаненок, — сказал, дымя старой трубкой, боцман Нечипоренко. — А ты не вертись, Синяк, ты вдарь! По-нашему, по рабоче-крестьянски! Ставлю трояк, что Котька не одолеет Синяка! Понаставят бланжей пацаны и разойдутся.

— Принимаю твою ставку! — сказал портовый грузчик Жора Макуха, человек с глазами сонного кондора и цыплячьим пухом на лысине. — У Рыжего кулак — как кувалда. Только подвернись.

Котька пытался загнать меня в брешь возле мусорника. Я уже чувствовал на себе жар, исходивший от его перекормленного, сдобного тела. Земля здесь всегда была скользкой от помоев, и намечалась промоина во времени. Котька был тяжелее, остойчивее. Я был много легче, в шторм меня сдувало с пляжных мостков. Бычки, камбала, глосса, лиманские крабы, рачки — вот из чего состояло мое тело. Я увернулся и постарался ударить снизу апперкотом в челюсть. Меня спасли реакция и резкость. Котькина голова дернулась, словно подрезали нитки на тряпичной кукле, зрачки провалились внутрь глаз, и на меня глянули слепые белки. Он поплыл и стал оседать, как подтаявшая свеча. Но его выручила дощатая стена мусорника. Одна из досок подперла снизу его щеку. И тут

* *Пелагида* — вид пелагических рыб рода пелагид из семейства скумбриевых. Обитают в субтропических и умеренных водах Атлантического океана, включая Черное и Средиземное моря.

зрачки вынырнули опять на лагуну лица. Котька мотнул головой и звучно высморкался.

Не зря его отец был мясником, он выковал в утробе мамыши великолепную челюсть и мускулы моего врага.

Я не питал к Котьке Собакини ненависти и свылся с битвами. Во мне постепенно улетучивался страх. Я боролся со всяческими страхами и ненавидел собственную трусость. Будь я писатель, я написал бы рассказ «История моих страхов». И еще «Историю моих врагов». Но я не стал бы писать «Историю моих друзей». Она останется при мне. Апперкот — удар интеллигентов: он не портит лицо. Я ударил чадо Собакини в нос. Котька вскинул голову, как ошарашенный дробинкой фазан, и попытался отвернуться. В эту минуту в недрах гальяона интимно и таинственно хлопнула дверь. К мусорнику вышла со счастливым видом мадам Изабелла Кофман. Грудь ее выходила на четверть волны из берегов замусоленного халата, на голове роились, как огромные шмели, папильотки. Не замедляя шага, она отвесила мне подзатыльник и сказала беззлобно:

— Зона интима не ринг для развлечений.

— Гони монету! — крикнул Макухе боцман Нечипоренко. — Синяк уделал мясника.

Киян разочарованно сплюнул и махнул рукой. Он не спешил отдавать Анжеле пять рублей. Но она и не требовала. Она заходилась от хохота.

Котька неуверенно поднялся на ноги.

— Рыжий, дави его! — орал Киян. — Ну, что же ты, бродячая сарделька!

— Ляг на землю! Лицом к небу! — приказал Котьке одноногий дворник Спиридон, энкавэдэшник. Он метнулся на култышке к гальяону и стал поливать из шланга окровавленное лицо моего врага.

Это была первая победа в то жаркое лето пятьдесят третьего. На другой день я был снова избит Котькой Собакини.

Но почему в день победы я смотрел на всех исподлобья? Почему не радовался жизни, не шутил, не пел пионерских песен, песен артековцев? Ведь я победил! В первый раз. Меня удручала кликуха Синяк. О дворовых кличках Фрейду следовало написать исследование и придумать метод зализывания душевных ран. Клички несмыаемы и не забываются даже в старости. Узнайте клички политиков в юности — и вы узнаете судьбу страны. Кто придумал мне роль неудачника? Недотепа в нашем дворе. Но это был глас народа. Голос снизу. Но разве голос снизу может определить судьбу человека или страны?

2

У меня была гиря. Я украл ее ненароком на овощном складе в порту и спрятал в лопухах, а ночью увез на самодельной тележке с колесами из подшипников.

Вы не поверите, как много нелюдимых пацанов слонялось по нашей улице на Пересыпи. Не я один ходил набычившись к нефтегавани на Втором Заливном и выменивал жвачку, сигареты у иностранных моряков. Тут толклась шпана с Дерибасовской. Я знал сто шестьдесят семь английских слов и умел кое-как объясниться с иностранными моряками и купить за десять рублей блок сигарет «Винстон» или «Кэмел». Я в десять лет стал барыгой. И стал полиглотом. Я знал двести слов по-французски...

— Мистер, фром хиа ду ю кэн? Ай кен бай «Кэмел». Ай кен бай вуч, — кричали мы матросне с танкеров, украшенных иностранными фла-

гами. Какие прекрасные, нарядные на этих танкерах трубы: с орлами, скрещенными мечами, полумесяцами...

Кулаки и колени у меня были в ссадинах, сандалии разбиты, но я копил деньги на велосипед. Иногда я давал матери пятерку или тройку. Отецпил горькую — его уволили из порта на другой же день после смерти Сталина: в анкете было написано, что он родился в Париже. И только я в нашей семье не падал духом, я копил в себе ростки прозрения. Я не был зол на людей, на мир, на своего противника. Я пенял на свою слабость, незащитность и хотел как можно скорее обрасти мускулами и обрести мастерство бойца и стать полиглотом. Я уже приобрел навыки в бизнесе. Но мускулы требовали работы. Почему я не пошел в спортзал? Можно записаться в секцию боксеров, самбистов, но не стать никогда бойцом. Боец — это состояние духа. Бойцом может быть паралитик, инвалид-колясочник, древний старец. Это можно угадать по блеску глаз, промельку мысли, как угадываешь в заоблачном небе самолет по крохотным проблесковым маячкам. Боксеры стареют, порой спиваются, порой наливаются желтым жиром. Увы, зачастую в них нет настоящего бойцовского упорства. Боец никогда не сопьется, не станет наркоманом. Он не сломим. И даже в старости умрет бойцом.

Я понимал: чтобы стать бойцом, прежде всего необходимо избавиться от страхов. Их было много. Разных оттенков. Во мне не уживался бойцовский дух. Я не был агрессивен, никогда не бил первым, я всегда защищался. Я был поэтом. Украдкой я писал стихи. Однажды я отнес в редакцию газеты «Моряк» мой опус под названием «Голоса ночного порта». Толстяк в морском кителе и брюках в клеточку покуривал трубку и вкусно шурился от дыма. Он глянул на меня медальной стороной лица, как изучающий червя петух, его глаз с сиреневым веком блестел как прицел. Он пожевал фиолетовыми губами моллюска и обронил, поправив виноградными пальцами шевелюру кокона, напоминавшего гребень:

— При чем тут голоса неодоушевленных вещей? И что это за образы: «Стоны любви дымились из ноздрей пароходов»... «То всплеск, то хлопотливое птичье лопотание крыла флага»... «Натужное и похотливое усердие задумчивых судовых винтов»... Образ винта на холостом ходу, конечно, возникает. Не спорю... Метафора неплохая. Но мы живем в мире энергичных дел. Пишите о людях труда. У пароходов и буксиров, порталных кранов есть свои голоса. Согласен... Возможно. Механизмы походят на водяных жуков, кузнечиков или саранчу. Принимаю это сравнение... Но разве жизнь порта в этом? Неужели только в образах? Нужна смысловая нагрузка! Трудовой подвиг человека!

— Люди уже после машин в порту вступают в унисон оркестру, как бы в терцию, в квинту, — сказал я. — Разве люди главнее машин в порту? Или в лесу? Если посмотреть с высоты полета чайки, они муравьи по сравнению с пароходами...

— А вот здесь я не согласен, — сказал редактор. — Опишите грузчиков, крановщика... с полета чайки.

3

Мне трудно ударить человека в лицо. Мне мешают глаза. В них светится душа. А как ударить душу? Я слишком жалостлив к душам, хотя был дворовым посмешищем и позором нашей семьи. Мой несчастный отец ничем не мог мне помочь. И все же однажды он сказал:

— Я не могу вмешиваться в твои дворовые отношения с люмпеном. У нас полно врагов. Ты должен научиться кун-фу. — И он отвел меня к китайцу Чан Лу и его дяде Ляо Дзяньгуну. Отец изучал фэн-шуй, он придавал громадное значение месту жительства, передвигал мебель в нашей квартире, вешал портьеры из парусов, переставлял цветы на подоконниках. Мы переехали на Пересыпь после третьего обмена из комнаты в десять метров на Пироговской улице. Это была непоправимая ошибка, сломавшая бесповоротно всю мою жизнь. Отец искал свое заветное место, где нам наконец-то повезет.

Чан Лу сказал:

— Юрок, ты слаб. Слаб телом, но дух твой внушает надежду. Ты не боец. Ты актер. Ты играешь придуманную тобой роль Робин Гуда. Ты должен есть больше рыбы, сушеных кузнечиков и мидий. Каждый день ты должен съесть двадцать вареных крабов и миску ухи. Я буду тебя учить игре теней. Ты должен научиться сражаться с собственной тенью. Тень наступает на тебя — а ты отступаешь. Удар надо пропускать мимо. Используй энергию врага, когда он устремляется на тебя. Сила удара равна силе отражения.

Мы начали тренировки на задворках птичника у Живаховой горы. Это была наука то ли танца, то ли гимнастики, то ли пляски мотыльков. Изредка следовали короткие рывки и стремительные удары, но в них была поэзия танцующей змеи без тени агрессии.

— Жало змеи стремительно и ласково, — говорил Чан Лу. — Все дело не в силе, а в скорости удара или броска. Ты должен иметь очень быстрые глаза и научиться читать лицо человека, игру струн мышц, ловить промельк тени в глазах, полутона желаний, прищур век, расширение зрачков. Когда человек наносит удар — его зрачок расширяется, он расширяется чуть раньше выброса руки. Его расширяет энергия ян. Веки приоткрываются. В глазах человека написано все, даже его судьба. В них ты прочтешь предвестие удара, предвестие лжи. Но не забывай смотреть на ноги врага. Если пятки развернуты наружу, а носки внутрь, значит, человек готовится к прыжку.

Я с трудом постигал эту науку. Но прошло время, и я стал чувствовать движение противника. Я научился читать намерения партнера по расположению ног.

— Не руби, не бей, выжди долю секунды, дай ему начать выплескивать свою энергию инь, а затем прими его энергию по линии скольжения мимо твоего тела, — командовал Чан Лу и подталкивал ко мне своего тринадцатилетнего племянника Юань Бао.

Тот кидался на меня как лев. Я уклонялся, подхватывал за локоть Бао, резко хватал второй рукой за шиворот и делал «вертушку». Бао с невозможным видом летел через меня на пуховые перины. Это оказалось весьма просто и открылось через три месяца после мучительных упражнений.

— Покорись, не спорь ни с кем. Улыбайся, не жаль врага глазами, не уподобляйся кобре, смотри глазами черепахи, — наставлял Чан Лу.

— Захотят тебя ударить, прими удар мимо, уклонись, ускользни с улыбкой, не выказывай мести или испуга. Обрати чужой гнев в игру. Помни о выражении глаз: в твоих глазах не должно быть зла, угрозы. Смотри на врага с лаской, как на брата, не жги его взором, не пытайся переглядеть, раздеть его сердце, обезоружить намерения. Лезвие ума спрячь в ножны улыбки. Меч извлекается в решающий миг не для убийства, а для врачевания, для кастрации врага. Ты должен отрезать хвост скорпиона. Он жалит только хвостом. Но правая клешня держит жертву. Ты не станешь

мастером, если не сумеешь перебороть свои страхи. Но эти страхи — твои друзья. Ведь это голоса инстинктов. Они проявляют о тебе чрезмерную заботу и пытаются обострить твои нервы, твой нюх, они впрыскивают в кровь адреналин и играют на арфе нервной системы. Вернее, это даже не арфа, это орган. Именно страхи помогут тебе тоньше чувствовать противника спиной. Отточь свои чувства, ориентацию в пространстве в темноте. Ты должен научиться чувствовать врага или друга на расстоянии, даже если он не в поле твоего зрения, а где-то рядом в укрытии. Угадай его намерения, увидеть невидимое в темноте — вот вершина мастерства. С годами ты поймешь, что враг приносит тебе своего рода пользу, он мобилизует твои силы и ум, он не дает тебе расслабиться. Враги нам нужны! И может быть, куда больше, нежели друзья.

Я слушал его как завороченный. В словах Чан Лу была скрыта не просто глубокая философия, а скорее поэзия жизни, принцип борьбы противоположностей. Я пытался постичь смысл не столько философии сражения, сколько тактику внутреннего расширения духа. Я стал учиться методом телепортации искусству переливать свое альтер эго в тела других людей, копировать их желания, предугадывать реакцию, копировать мимику, походку. Я становился порой артистом. Стратегом-импровизатором. А однажды я пришел к выводу, что мог бы стать карикатуристом. На моем лице теперь плавали улыбки-маски. Я развлекался, имитируя поведение людей. Я семенил на улице, как старик, или же шел вразвалку, как одесские торговки на Новом базаре. Я научился плавающей походке воров. Но как научиться «читать темноту», я не понимал.

Я никогда не мог понять толком, трус я или не трус. Во мне жили разнокалиберные страхи. Они вырастали беспричинно на улице, а потом вдруг умирали, незаметно растворялись и исчезали куда-то. А наутро вырастали на улице опять. Порой они ворочались во мне даже во сне, испаряясь после восхода солнца. Я привыкал, страхи уже не мешали мне жить, они делали меня более чутким, струна звенела, но напряжение нервов можно было ослабить, и тогда звук умирал... Это был голос жизни. В предсмертную минуту человека покидают все страхи, его одолевают громадная усталость и полнейшее равнодушие ко всему.

Было время, когда я отдал бы полжизни, чтобы стать храбрецом и не бояться ничего на свете. Раньше мне казалось, что смелость решает все жизненные проблемы, а сила и сноровка прикладываются сами собой. Но все было гораздо сложнее. Смелость давалась ценой напряжения, а храбрость притупленностью чувств, самоуверенностью, изящной, красивой формой глупости. Все дело было в степени оценки. Вернее, в осознании, в ощущении расстановки сил в бою. Опасность исчезала с пониманием искусства отражения атаки.

Но почему по ночам в тринадцать лет мне снились враги, а не друзья? Я больше не ходил в нефтегавань, не общался со шпаной с Дерибасовской улицы, не покупал иностранных сигарет. Я помогал рыбакам на причале. Миновал год. Время придумали люди, которым страшно покидать этот мир и что-то терять. Я жил в прорехах времени. Время дробилось в зависимости от удач и неудач. Я не мог назвать мой мир безвременьем.

Котька старался не выказывать вражды по отношению ко мне. Он был заводилой у нашей дворовой шпаны. Он пользовался авторитетом у воров-форточников и портовых барыг. Он водил ватагу воровать апельсины из разбитых ящиков в порт. Таскал из прорванных мешков миндаль, арахис, а потом продавал делягам с Решильевской улицы.

4

Чан Лу запрещал мне наносить увечья противнику. Он говорил:

— Ты по дате рождения дракон. Ты постиг искусство змеи, но еще не постиг мудрость дракона. Неужели ты ужалишь всякого, кто на тебя замахнется? Уклонись. Ведь ты теперь гибок, как тростник. Не бойся унижений. Разве собака или тарантул могут оскорбить тебя? Ты должен постичь искусство воды. Воду нельзя ранить или убить, она обтекает меч. В кино ты не кидаешься на злодеев, так почему же ты хочешь наказать их в жизни? Тебя не должна «ранить» чужая воля, обидные слова. Ты актер, имитируй, что ты слабак. Они увидят по твоим глазам, что ты не трус.

Сначала я поставил задачу — не реагировать на оскорбления.

— Эй ты, Синяк, фуфлыжник, битая морда, — сказал мне вечером Вовка Кабан из соседнего двора.

Я ничего не ответил. Он направился ко мне, сделал замах для удара. Я не шелохнулся. Это насторожило Кабана.

— Одолжи рупь, — сказал он.

— Шиш, — ответил я.

— Жадишься?

— Просто не хочу.

— Логично, — усмехнулся он. — А если дам по сопатке?

— Дай!

Он ударил справа. Я даже не отступил, не изменил постановки ног, а просто сделал уклон. Он провалился и упал мне на грудь. Я сделал замок, сцепив руки у него за спиной.

— Пусти! — взревел он.

— Не хочу, — ответил я.

Он попытался высвободиться, но я крепко держал его руки.

— Ах так... — пришел он в бешенство и попытался укусить меня за нос.

Но я предвидел это и прижался к его щеке щекой. Он топтался на месте, пыхтел. Уверенность покидала его.

— Мир, — сказал он и протянул мне руку.

Я тоже протянул руку. И тут он попытался схватить меня за кисть и сделать рывок на себя, одновременно ударив коленом в пах. Я выставил колено на долю секунды раньше. Он налетел на колено пахом и согнулся от боли.

— Ну, сучара! Ну, гад! Самбо-мамбо! — взвыл он. — Копец тебе. Накажу. Жди здесь, я сейчас вернусь.

Согнувшись, волоча ноги, Кабан поплелся в свой двор. Его уши горели, как пурпурные сигналы-мигалки. Это был знак сломленного духа. Бледноватые уши — признак разгневанного бойца. Белые как мел уши — признак бешенства. У Кабана был старший брат, повар буксира «Волнорез», любитель выпить и побузотёрить. Отец Кабана год назад вышел из тюрьмы. Он работал в порту грузчиком. Это был грузный, мрачный мужчина с оливковым лицом, украшенным усами. Он сидел за распространение контрафактной продукции: дамских чулок и белья. В нем угадывался творческий ум. Я ни разу не видел его пьяным. Его шутки были неожиданными и меткими.

К вечеру вся наша улица знала, что я владею какими-то хитрыми приемами. Кабан распустил слух, что я стал самбистом и готовлюсь стать ментом. Над Кабаном смеялись. У меня не было явных врагов. Я был незаметной мошкой. Молью. И все же из любопытства меня решили проверить три балбеса. Им хотелось развлечься. Им нужно было лекарство от

скуки. Наказать меня вызвались: Митька Фокин, сын пьяницы столяра. Васька Заливадный, сын многодетной матери-героини. Толик Яблонский, сын продавщицы колбасного отдела в нашем убогом гастрономе у Пересыпского моста. Они подошли к окну недружной стайкой, подбадривая друг дружку, посмеиваясь, и вызвали меня свистом во двор. Их смущал мой отец, опытный десантник, человек, способный урезонить кого угодно на Пересыпи. Однажды он на спор с какими-то врачами вернул украденную у них знаменитым вором по кличке Клоп из нашего двора канистру спирта. Клоп очень уважал моего отца. Но меня Клоп не замечал. Я был в его глазах слюнтяем.

Коты в тот элегический час начинали старательно разучивать вечерние серенады. Мягкие, дрожащие от морского бриза тени стыдливо прокрадывались в наш увитый плющом двор и окрашивались усталым блеском солнца, опадавшего к горизонту сквозь ветви старой шелковицы. В палисадниках покашливала, поскрипывала скамеечками жизнь любителей домино. Они мостились как грачи у сарая, а картежники тихо переговаривались и поблескивали насмешливо фиксами. Сема Дробыч вынес из каморки, напоминавшей каюту баржи, маленький самодельный столик из дуба. Нечипоренко не упустил случая похвастать новыми артельными шлепанцами, купленными на Привозе за два шестьдесят. Жора Макуха философски ковырял в зубах спичкой и сплевывал зернышки смородины на брюки.

— Ну как живешь, Синяк? — начал импровизацию Васька Заливадный. — Кабан говорит, ты теперь самбист. Чуть яйца ему не отбил. Где сфотографировал приемчик?

Он смотрел на меня с оттенком превосходства. Что делать дальше по сценарию, он еще не решил. За его спиной был палисадник Анжелы. Она стучала ножом на кухонной доске и напевала модную песенку: «Я лилипуток ужас как люблю».

— Да все ништяк, — сказал я. — Кабан требовал одолжить трояк. Мне эта идея не понравилась.

— Справедливо, — хмыкнул Толик Яблонский. — Я ему не дым, а костер. Обожгу уши. А где сам Кабан?

Кабана не было во дворе. Это озадачило троицу.

— Говорят, ты ударил его западло, — сказал Фокин. — Покажи на мне. Не обижусь.

— Да погоди ты, — остановил его Толик. — Кабану недолго и соврать.

Фокин стремительно ударил левой в челюсть. Я уклонился. Фокин влетел в забор Анжелы, сломал штакетину и разбил в кровь кулак. На лавочке у штакетника стоял ящик с гладиолусами. Он повалился на порог. И тут из дверей выметнулась хозяйка цветов с помойным ведром в руках. Она окатила Фокина благовониями.

— Драка, — радостно завопил Макуха. — Ставлю на Анжелу червонец!

И тут вышел муж Анжелы с молотком в руке... Шпана разбежалась.

5

Благодаря Чан Лу я стал хладнокровен, я познал науку смирения духа и гордыни... Я терпел унижения от дворовых мальчишек, я уклонялся, я извивался змеей, я делал стремительные прыжки. Но не наносил увечья. Ну, схлопотал пару синяков... Мое хладнокровие злило моих противников. Они кидались на меня снова и снова. Я мог бы расшвырять их и нанести увечья, но Чан Лу запрещал калечить, он требовал оттачивать за-

щиту и уклоны. Я не мог преступить запрет. Я боялся вызвать гнев Чан Лу. Я весь был опутан условностями. Признаться честно, я боялся не столько дворовых пацанов, сколько взрослых. Я ненавидел небритые рожи морских бродяг, желтые, прокуренные зубы, мутноватые, глиняные глаза алкашей с терракотовыми прожилками, сморщенные лбы люмпенов, оскал иссиня-желтых, прокуренных зубов старых портовых проституток, их хриплый, каркающий, вороний смех. Они посмеивались не только надо мной, но и над моим отцом, морским офицером. Он пил с горя, потеряв работу в порту. Он по-прежнему мечтал вернуться в торговый порт, где работал диспетчером на Пятом причале. Его уволили после смерти Сталина: в свидетельстве о рождении было написано, что он родился в Париже в 1908 году и мать его, русская дворянка, закончила Сорбонну, стала врачом и поехала на борьбу с эпидемией холеры в Поволжье. Но как доказать, что у тебя нет родственников во Франции, в Норвегии, в Швеции, в Ирландии? Капитан второго ранга, комбриг, прошедший всю войну, семнадцать орденов, четыре ранения. И вдруг он попал под подозрение во время оттепели: кому-то не нравилось, что он владел пятью языками и свободно беседовал с капитанами, штурманами лайнеров. Не все таможенники и энкавэдэшники знали английский, они не могли контрлировать разговоры с иностранцами.

Я боялся за отца. Мне не везло, так же как отцу. Я чувствовал: над нашим родом висит некое проклятье. Во сне я метался, мял простыню и запутывался в ней ногами, попадая в плен. Я дрался с невидимыми врагами. Сон размывал их лица к рассвету. Я открывал глаза и не мог вспомнить лиц. Я не понимал, что именно я кричу во сне. Почему на меня ополчился весь мир? Зачем мы переехали жить на Пересыпь с Пироговской улицы, у моря, на Большом Фонтане? Там был совершенно другой мир. Рядом находился Дом офицеров. В нашей коммуналке жили семьи летчиков. Мы были как одна семья. Здесь же, на Пересыпи, я стал своего рода иностранцем. Для дворовых людей я был пришельцем из другого мира. Мира гражданской Одессы. Я был не таким, как дети грузчиков, воров, точильщиков ножей, лудильщиков, извозчиков, грузчиков. Я был ранимее, уязвимее в их глазах, я цеплялся за все шероховатости и углы, все выступы и обломки окружавшего меня мира, меня ранили даже былинки сорняка на ужасной свалке за нашим домом. Кожа моих сверстников была прочней. Я был не против стать такими же, как они, и упростить свое существование, проникнуться их интересами, правилами игры, но, увя, во мне пульсировала какая-то упрямая жажда отстоять свои ценности. Я читал Фенимора Купера, Майн Рида, Капитана Мариэтта, Эдгара Берроуза... Но дети грузчиков и биндюжников не знали этих имен и тотчас приклеили одному пацаненку кличку «Берроуз». Это слово ужасно веселило их. Они были очень чутки к новым словам и свято охраняли свой убогий словарный запас. Все лишнее им казалось извращением. Совершенно напрасно я читал им книги и писал стихи, доискивался мудрости. Это мешало мне опроститься, огрубеть и чуточку озвереть... Тогда я пришлось бы по нраву дворовой стае... О, как я мечтал стать таким же зверьком, как сыны Пересыпи! Меня пестовало дворовое коллективное бессознательное, и я ничего не мог с собой сделать, голос моего клана не подчинялся ему и уводил меня в некую туманную безбрежность поисков ответов на вопросы, которые вырастали в мозгу в предутренние часы. Наверное, это были голоса прошлого. Они были сильнее голосов унылого настоящего.

Все люди вокруг меня жили правильно. У меня в этом не было сомнения. В их глазах не читалось, не сквозило вопросов. А я же был ходячим во-

просом. Я был бродячим сомнением. Я скользил меж перегородок времен и не находил своих духовных реперов. Во мне струились непрерывные смещения духа. Эти дворовые обитатели были как одна семья. А я был одинок. Я и моя мать, мы чувствовали себя в этом дворе белыми воронами. Мать была художник, делала натюрморты, пыталась продавать на Новом базаре по десять рублей. Во время войны она была разведчицей и имела пять орденов. Но она никогда не носила боевых наград. Ей было стыдно. Вечерами она штопала чулки, мое белье, тельняшку и китель отца. Мне было стыдно за себя, за нашу нищету, за безработного отца. А отец стыдился показываться нетрезвым нам на глаза. Он жил неделями в курнях у рыбаков. Это был его параллельный мир, где он зализывал, как бродячая собака, свои духовные раны. Все рухнуло в его жизни со смертью Сталина...

6

Мой дед по матери кузнец, обычный мастер, каких сотни в Одессе. Когда-то у него была треть подвала на Пушкинской улице, в доме номер тридцать девять. Третий этаж с длинным деревянным балконом в старом двухэтажном флигеле. И все это принадлежало деду: четыре комнаты и громадный длинный деревянный балкон на кирпичных столбах, где можно было уложить спать человек сорок. В подвале был особый потаенный мир, разделенный перегородками времени. Тут были миры забытых и выброшенных вещей. Тут были более значимые зоны обитания духов, чем можно предположить на первый взгляд. Мир отверженных старых вещей, комодов, граммофонов, треснувших зеркал... И через этот ущербный мир, как ни странно, открывалась брешь в прошлое. И конечно же здесь жили страхи всех мастей, превращавших подвал в романтический мир сказки с привидениями, упырями, кикиморами, вурдалаками, чертями. Без этого пестрого и веселого мира дом просто не мог бы существовать и утратил бы всякую значимость, как утратили ее пересыпские кирпичные убогие коробки в два этажа, где не водилось даже чертей. Это объяснила мне бабушка.

В этом мире сказки держали уголь, керосин, инструменты, вино, а во дворе была кузня деда. Тут с утра до вечера пылал огонь в горниле. Под навесом два подмастерья ковали подковы, ограды для могил, кирки, молотки, зубила, крючья — всего не перечислить. После революции кузня превратилась в кооператив, заказов стало меньше. Дед не унывал, самолично подковывал битюгов биндюжников, массивных черных коней, походивших на кентавров.

В тридцатом году у деда отобрали подвал и половину второго этажа, где обретались работники кузни. Частник-кузнец уже не мог выжить в Одессе. Подмастерья ушли, переквалифицировались в водопроводчиков. Семье предложили уплотниться.

В пятьдесят третьем году во флигеле жили две замужние тетушки, мои двоюродные братья, сестры и бабушка. Я приходил сюда, спасаясь от кошмаров Пересыпи, когда случались наводнения. Море затапливало подвалы. Сырость ползла в дома. Дворы звенели в вечерних сумерках от комариных свирелей. Казалось, в воздухе плывут невидимые сети. Частенько во флигеле на Пушкинской играли в лото. Почему эта дурацкая игра так занимала моих родственников? Чем она задевала их души? В лото играла в ту пору вся Одесса. Однако в пригородах Одессы лото почему-то было не в моде. Я считал эту игру убийцей времени.

Однажды я придумал игру, спасающую меня от идиотизма лото. Поздно вечером я ускользнул от стола, усыпанного бочонками с цифрами, спустился в подвальный мрак и прислушался. О, какая здесь стояла огромная и чарующая тишина! Сколь она была многообещающая и таинственная! И конечно же в ней жили страхи всех калибров, всех мастей. Я понял: вот где лежит мое избавление от страхов. Я должен окунуться в этот мир и пересечь его из конца в конец, достигнуть в полночь самого темного, самого потаенного, отдаленного от мира реалий угла. Обитателей этих миров, призраков ночи и тьмы подвальной, я просил о помощи. Моим тетюшкам, двоюродным братьям и сестрам, бабушке и матери я не смел доверять мою тайну и признаться в том, что я страшный трус. Они посмеялись бы надо мной. Они не любили этот подвал. Терпеть не могли его сложных запахов, шорохов, влажного и в чем-то значительного, чем-то знакомого дыхания усталой земли большого города. Казалось, эта пограничная домами земля мстила людям.

Я от природы не равнодушен к земле. Я всегда мечтал иметь клочок огорода, на худой конец, свой личный колодец. Дыру в земле, убегающую к центру Земли, следует уважать... Я мечтал просверлить такую дыру насквозь земного шара и удрать отсюда. Да что там наплел нам роман Жюль Верна «Путешествие к центру Земли». Роман должен был называться «Насквозь». Сквозное сечение избавляло от всех страхов и проблем.

От двора до уровня подвала было восемнадцать ступеней. Я преодолел их с каким-то сладостным трепетом. Во мне шевельнулось ощущение предстоящей битвы с неведомым духом тьмы. Когда ты видишь врага в лицо — в тебе куда меньше страха.

Электропроводки в подвале не было никогда, за углем ходили с фонариками или керосиновыми лампами. Длинный туннель шел прямо, а затем сворачивал влево. От него круто спускались три ответвления. У каждого отсека были свой мир и история. Почему никто не описал историю этого непростого одесского подвала? В первом отсеке когда-то располагались винный склад и ледник мясников. Холод тут стоял ужасный. Стены, выложенные сто лет назад, были покрыты плесенью и испещрены надписями. Были надписи на французском. И даже указательная стрелка. Какой-то французский купец хранил тут дубильные вещества и выделывал кожи.

Я свернул вправо. Тут начинался спуск без ступеней. Он уходил в сырую бездну. Дворовые жители называли этот спуск «отсеком зеленых скелетов». Я не понимал, зачем тут такой крутой уклон, но позже догадался: чтобы не обвалилась сверху земля, когда во двор въезжали груженные подводы. Чем глубже к центру Земли, чем удаленнее от стены дома, тем толще становился свод. В этом была простая мудрость французского купца. Потолок из пиленых блоков ракушняка был выложен полусферой. Очевидно, подвал расширяли и удлиняли не раз. С 1931 года тут держали уголь семьдесят семей. Именно столько клеток с ржавыми висячими замками было вдоль стен первого отсека.

В 1957 году в доме провели паровое отопление, и люди забросили подвал. Теперь тут обитали крысы, мокрицы и «зеленые скелеты». Никому в голову не приходило, что здесь можно открыть школу мужества мальчишек. Наши проблемы, наши страхи, наша трусость никого не интересовали, хотя здесь тайлось лекарство. Послушайте, как я одолел в ту полночь «отсек зеленых скелетов» и что претерпел.

Пока я не обвык, темнота казалась мне густой, почти материальной средой, сверкающей тысячами крупинок. Это происходило оттого, что я мучительно и тщетно напрягал зрение, пытаясь что-то разглядеть. Земляной пол

был холоден и влажен, дырявые мои сандалии оскользались. Я медленно ступал, как по мокрому льду. Казалось, я сползаю в черную бездну и вот-вот рухну. Но куда именно? Меня неотступно преследовало ощущение неминуемой дыры. Мрак подвала был беспределен и многообещающ. Я остановился перевести дух и оглянулся назад. Но там была чернота. Стояла ночь. Свет звезд едва уловимо подливал в эту бездну густой синевы. Ее можно было уловить скорее интуитивно. Я терял ориентацию, это было уже серьезное испытание, страх сжал мое сердце. Но меня озарило: я спускался под уклон. Путь назад очевиден. Мрак не может уничтожить ландшафт. Стоило чуточку привыкнуть, и страх постепенно таял, но таяла от холода и жизнь во мне, я становился бесплотен и обращался в тень. А тень — это молекула мрака, частица безмолвного космоса. Я говорил себе в эти минуты растворения в пустоте простые истины: «Я — “атом небытия”, я — почти прах, воля моя испаряется, но не до конца, и, что бы ни случилось, я не умру тотчас, в одиннадцать лет». Я стоял, прислушивался к гулу колотящегося сердца. Оно било от страха в набат. Глупое, слепое сердце.

И тут я начинал понимать, что сырое безмолвие начинало манить меня, как маньяка. Это была игра. Игра с царством теней на выживание. Страхи отступают перед игрой — вот в чем хитрость. Вот в чем сила азарта. Меня мучила загадка, огонь азарта — куда именно я иду? Человек не может жить без сознания predeterminedности пути. Когда ты останавливаешься на таком вот склоне, а тишина и мрак проносятся над тобой и обдают тебя запахом плесени, старого вина, кислятиной картофельной горьковатой прели, ничего оскорбительного и тлетворного в этом запахе нет, ибо это запахи человеческого мира, отгоревшей, но вполне реальной жизни. И они несут в этот мрак успокоение бытия и радость круговорота вещей. Радость твоей причастности к этому реальному кругообороту.

Поверьте, меня отрезвляли запахи подвала, я бы не удивился, наткнись я ногой на череп Йорика. Я жадно впитывал запахи прошлого и думал: «А как же пахнет богиня земли Гео? Благоухает ли она серой, нефтью, метаном?» Я замер в торжественной тишине как в молельне и простер руку вперед, как бы выискивая опору, но вместе с тем и посылая приветствие подземному миру. Чернота в ответ ревниво искрила. Волны неуловимых токов переливались в ней. Мысли мои колебались в такт этим пульсациям. И вдруг мрак обрел бархатистую упругость, о которую уже не ранились мои зрачки. Я вспомнил, зачем явился сюда! Моя робость казалась мне такой малостью. Ведь я был в царстве смерти. Гео стояла неподалеку и улыбалась благосклонно, а рядом с ней стояла Брунгивильда, валькирия, покровительница умерших воинов. Они вопрошали меня: зачем я пришел до срока в царство тьмы? Я успокаивал их: я здесь не случайно, меня позвала тьма, мать вечности.

Что значат жалкие страхи врагов-мальчишек и мелочные обиды в сравнении с голосом тьмы? Я слышал, я угадывал исходящее от старинных стен ласковое одобрение. Кто-то следил за мной. Я не мог избавиться от ощущения. Я делал шаг, другой, третий, я шел и шел, зная: впереди, там, далеко внизу, ко мне придет освобождение от страха, от врагов. Я верил в целительный, спасительный мрак. Он оказался лекарством для моей души. Целебнее, чем свет солнца. Впереди стена, влажная от пота матери-земли. «Этот пот на стене — слезы Гео», — говорил я себе. Надо коснуться стены рукой. И придет избавление от всех страхов. Я вытягивал руку... и ощущал пустоту. И вдруг из-под ног со страшным криком выскочил притаившийся в клетки кот... Я успел в сотую долю секунды подумать о том, что у меня сейчас случится разрыв сердца. Пот градом обметал мое похолодевшее тело. Ноги

стали ватными. Я сказал себе: «Присутствие кота здесь не случайно. Это некий знак! Его послали духи тьмы... Это всего лишь ступенька испытания».

На какой-то миг мне стало ясно, что не так уж важно, вернусь я на поверхность земли. Главное — я должен был обрести себя. У меня была цель. Я был поглощен игрой. Минуты превращались в вечность. С каждым шагом я преодолевал себя, двигаясь по ступеням к совершенству. Я избавлялся в этом чистилище от страхов и чувствовал, как в моей душе пробуждается нечто значительное, маленькие ростки праздника освобождения.

И вдруг моя вытянутая рука коснулась долгожданной стены. Мокрая стена возникла совершенно неожиданно из бархатистого мрака. И какое она несла облегчение! Я крался вдоль нее. Уровень земли уже не снижался. И вдруг я нащупал створку двери, а на ней замок. В замке торчал ключ. Я попробовал его повернуть. Он с усилием поддался, и замок открылся. Я распахнул дверь и сделал шаг, другой. Склон начал снижаться. Я уловил, как рядом что-то капает. Эти звуки четких, протяжных бублек походили на удары часов. Сколько лет бьют здесь эти водяные часы? Кто считал удары этих подземных часов? Может быть, Гео?

И тут я увидел какой-то фосфоресцирующий отблеск слева. Я понял, почему этот отсек называли «отсеком зеленых скелетов». Я вспомнил, что очень спешу наверх: задача на первом этапе выполнена. И все же я не смею тотчас удрать, я не должен выказывать страх и слабость, не терять уважение к самому себе. Да, я чувствовал, что во мне просыпается тень уважения к собственной персоне. Очень важно не вознестись в собственных глазах, ведь всякий подъем нашего духа над горизонтами жизни опасен. Существует болезнь головокружения. Я обернулся, посмотрел в ту сторону, куда поднимался склон, и постарался сдержать в себе страх к фосфоресцирующему предмету или существу, я загонял страх в угол, он сжимался, но не таял. И вдруг наверху, в зоне жизни, едва засветился отблеск вышедшей из-за тучи луны, он проник даже сюда. И я вдруг осознал: ночь, оказывается, полна света, он вездесущ. А прежде я наивно принимал ночь за тьму...

Я неспешно подвинулся по склону вверх. Я и нес с собой полученное в дар от богини Гео оружие. Оно не бросалось в глаза, не сверкало, не звенело...

В квартиру тетюшек я вернулся мокрый от пота.

— Восемьдесят один! — крикнул мой двоюродный брат и поднял бо-
чонок над головой.

Я глянул на мои карточки и увидел пустое окно именно с этой цифрой.

— Есть! — сказал я. — Кон мой!

Никто и не заметил моего отсутствия. Время сжалось, а потом рассла-
било объятия. Мне казалось, мое странствие было сном.

— На тебе мокрая рубаша, — сказала моя двоюродная сестра Людмила.

Но никто не придавал значения ее словам. Никто не заметил мою блед-
ность. Все были увлечены игрой. На кону стояло восемьдесят пять копеек...

Кто-то во мне шепнул: «Играй же, глупыш, играй! Тебе страшно сно-
ва вернуться в подвал и прозреть?» Я отмахнулся. Но голос продолжал:
«Все ответы в нас, поверь. Настоящий поэт постоянно умирает, он пере-
шагивает через страхи, сомнения, через самого себя, чтобы родить новую
клеточку сердца».

Неужели это был голос Гео? Я тогда еще не успел дочитать до конца «Ми-
фы классической древности» Штоля, но имя Гео однажды мелькнуло в ро-
мане Капитана Мариэтта. Что-то очень важное я понял в подвале в эту ночь.
Я как бы пролистал новую страницу познания, а завтра будет уже другая...
И я понял, что нет ничего интереснее расщепления своих внутренних миров.
Это чем-то походит на расщепление ядра атомов, из которых состоит пред-

метный мир. Мир вещизма. Тогда я только начинал слабые попытки освобождения от его кабалы. Мне скучновато идти туда, где мои братья и сестры искали развлечений. Всякая игра, по своей сути, жалка и примитивна, а азарт — лишь наркотик. Но азарт очень нужен людям со «спящим духом». Но я должен скрывать свое истинное лицо и тоже прикидываться «спящим», таким, как все. И все же лицо у меня было торжественно и бледно в тот вечер.

— Какой-то ты странный. Бледен, и глаза горят. Наверное, накурился? — спросила моя тетушка.

И я тотчас прикинулся дурачком — включился с азартом в игру в лото. Я сделал вид, что эта маленькая жизнь снова опьяняла меня, она звала меня к пресыщению, пытаюсь унижить то странное, глубокое чувство, которое я познал. Именно оно и охраняло теперь меня от болтливости и хвастовства. Я стал скрытен и боялся себя расплескать. Мне везло, я выигрывал медяки. Чувство недавней победы в подвале постепенно притуплялось, и мне было немного обидно, что оно подтаивает, ускользая от меня. Я еще не научился жить в одиночестве и беседовать с самим собой. Но во мне уже сладостно ныли осколки маленькой тайны, подаренной мраком, и я не желал ни с кем делиться ими, в этом было условие, поставленное передо мной Гео. Я услышал его там, в темноте.

Такие визиты в подвал я проделывал теперь каждый вечер. Я мчался с Пересыпи на Пушкинскую улицу, где был этот замечательный подвал. Таких подвалов на Пересыпи не существовало, они были мелкими, убогими, шагов на пять в длину. Там не водились даже крысы. И эти пересыпские подвалы подтапливало море.

7

Страхи незаметно умирали во мне. Я научился смотреть в глаза взрослых людей не моргая. И уже не робел перед кондукторами одесских трамваев, а это был особый — «кусачий», бойкий тип людей. Это были почти бесполое существа в замызганных нитяных перчатках с обрезанными пальцами, шевелившимися как щупальцы омаров.

...Мрак лечил. Слух мой обострился. Я различал в темноте подвала малейшие шорохи, я чувствовал спиной деревянные двери клетушек, слышал писк и разговоры крыс, какие-то далекие слабые всхлипы и возню. Жизнь в подвале ни на секунду не замирала, она шла здесь своим чередом. Но я готовил себя к главному: к посещению второго и третьего тоннелей. Глубина в них была гораздо больше, рельеф сложнее, катакомбы протяженнее, проход шире, пол неровен и изрыт почему-то ямами, словно там хоронили кого-то. В низинах стояла то ли вода, то ли соки пораненной земли. А вдоль стен причудливыми наростами громоздился накопленный годами хлам. Он отражал не только историю двора, а всей Пушкинской улицы, историю нравов ушедшей Одессы, меру привязанности к вещам, нежелание тотчас расстаться с ними. Даже здесь, в подвале, старые вещи не обретали истинную свободу, их связывали с хозяевами крохотные нити. Может быть, в этом высвечивались фибры характеров так называемой «одесской нации»: сплава хохлов, греков, армян, русских, гагаузов, евреев, татар, молдаван...

Однажды я пришел сюда днем со свечой. В главном проходе у дверей в потолке было забранное решеткой горизонтальное оконце, примитивный световой люк, от него падали косые, пыльные, рахитичные снопики света. Но стоило ступить чуть дальше, и тотчас начинал сгущаться мрак, он не желал уступить дневному свету ни пяди царства тьмы.

Я зажег свечу, стал медленно подвигаться по лабиринту второго отсека. То и дело на пути встречались старые медные лохани, чаны, треснутые бронзовые раковины, старинные кресла, диваны, бочки, гнилые шкафы, этажерки. И вдруг на меня из дрожащего желтоватого провала света глянуло с испугом облезлое старинное зеркало в черных разводах опадающей амальгамы... Я увидел в нем бледное, настороженное отражение лица мальчика со спутанными волосами и оттопыренными ушами. Свеча дрожала в его худой руке, в глазах плясало лихорадочное любопытство. Я похолодел. На призрака он был не похож. На нем были такие же брюки клеши, как на мне. Я не сразу сообразил, что это я.

Я считал себя совершенно другим и был не на шутку обижен. Я отказывался верить, что это мое отражение. Я и прежде не очень-то доверял отражениям в зеркалах. Во мне жила совершенно другая самость: «не отражаемая», «не постигаемая» холодными зеркалами. Зеркала лживы и изменчивы по своей сути. Но зачем врать этому старому, облезлому чудовищу, выдохшемуся вконец обличителю человекообразных существ? Плешивое, склеротическое зеркало многие годы не питалось кровью живых отражений и должно было льстить. Мне плевать на световые эффекты и законы преломления. Неужели это и впрямь я? Свеча, чуть вздрагивая, гордо поплыла вперед и смыла призрак. Она чувствовала себя хозяйкой, грела мою робкую руку и увлекала дальше и дальше. Ее тоже мучило любопытство. Она хотела все осветить, разогнать тьму и бросала на войну с ней косые предательские тени. Перед нами выплывали на сцену трехногие комоды, продавленные клозетки, кресла, старинные умывальники с треснутыми зеркалами. Картина, съеденная плесенью, которая напиталась дури от красок и пустила зеленовато-синие узоры по стене.

Я упрямо продвигался вперед, миновал еще два треснутых зеркала, два шкафа, обеденный стол, развалившуюся качалку... Мой облик стал меняться в зеркалах. В глазах появилась живительная ирония. Я становился самим собой. Любопытство убило страх.

С запозданием, но все же я вспомнил древние христианские обычаи при посещении лабиринтов. И теперь отмечал копотью от свечи кресты на потолке. Эти кресты и посейчас не смыты временем.

Кто знает, может, свет свечи порочит и унижает тайны мрака? За поворотом на пути мне попался школьный анатомический скелет старинной выделки, он давно скучал и томился за хлипкой и гнилой решетчатой дверью и едва заметно бряцал от легкого колебания воздушного потока кистями на пружинках. Я приветливо улыбнулся ему. Вскоре я понял, что путешествие со свечой убивало все очарование этого подвала. Свет убивал третье и четвертое измерения пространства. Вот в чем таился секрет.

Свет делал явное слишком прозаичным и явным. Он не оставлял простора воображению. А исцеление и магия шаманства, равно как и все виды искусства, обретаются только в мире иллюзий и полутеней. Именно игра теней и дает наполнение подлинной жизни творца. Мы слишком зрячи порой, в этом наш недостаток. Стоит загипнотизировать себя в таком темном подвале на мужество, внушить, что тебе смерть не страшна, ибо ты побывал в царстве мертвых, и ты защищен на скучном и жестоком пастбище жизни деда. Он стал моим новым другом.

А летом в подвал провели свет, и он потерял всю свою прелесть. Но я успел стать другим. Я научился чувствовать окружающее гораздо тоньше, я уважал тьму, ибо понял ее сокровенное, она была куда безобиднее людей и служила убежищем живым.

8

Чан Лу взял палку и попытался ударить меня со стороны спины, но я увернулся, уклонился, присел, сделал отскок. Теперь я шестым чувством осязал надвигающийся удар. Может быть, это стало происходить потому, что я мысленно видел, как в руке ударяющего концентрировалась отрицательная энергия. А может, дело было в чем-то ином, может быть, в биополе и еще в чем-то, но факт: я научился чувствовать приближающуюся исподволь угрозу, это было необъяснимо. Да и разве можно все объяснить?

Кто знает, может, я обрел дар постигать энергию астрала? Как мне в ту пору понять, в чем таился секрет? Может, дед мой, Василий Денисович Мочарский, оставил в этом подвале мир чистой энергии или еще какую-то тайну. И только много позже я узнал, что астрал таит в себе информацию обо всем, что было, есть и что будет. Но постичь такие глубины я в ту пору еще не смог. Я простой смертный, поверьте, я неудачник, я стоял лишь у края бездны познания. Я хотел стать другим и перехитрить свою природу, свои гены, обмануть свой клан, давший мне в наследство лишь то, что я имел. Я не знал даже того, что стану и впрямь бойцом. Я просто хотел защититься от жестокости мира, ограниченного колодцем двора. Но я не хотел никого избивать, я не воспитывал в себе жестокости, я не хотел быть сеятелем страхов в таких же мальчишках, как я. Но как мне завоевать их уважение и любовь? Ведь они ценят прежде всего силу. И я вынужден зарабатывать очки в бою...

И вот однажды Чан Лу сказал:

— Ударь Юань Бао в прыжке правой ногой в левое плечо.

Я прыгнул и ударил, как учил учитель. До этого я отрабатывал удары на досках, на манекене, мне было жаль бить Юань Бао в полную силу. И я ударил его в самый край плеча. Юань Бао развернуло вокруг оси, ноги его заплелись, и он рухнул наземь.

— Молодец, — сказал Чан Лу. — Но плохо то, что ты ударил вполсилы. Ты должен был ударить жестче. Жалость может подвести тебя. Если ты бьешь сильно в плечо, человек падает от шока. Если ты бьешь вполсилы, ты можешь выбить ему плечо и причинить увечье. Жалость опасная вещь. Надо знать, надо чувствовать, что может последовать за ударом.

Потом я отрабатывал на Юань Бао броски. Он летал над землей как кукла и оставался при этом невозмутимым. Он умел расслабляться, он был прекрасный боец. Но он жертвовал собой ради меня.

Теперь я мог разделаться во дворе с любым врагом. Но месть казалась мне теперь смешной и нелепой. Наверное, это случилось оттого, что я прозрел в темноте подвала. Именно там что-то открылось мне. Может быть, в душе проклюнулся новый маленький родничок откровения космоса?

И вот однажды Котька Каминский остановил меня во дворе и сказал:

— Ты присмирел, пацан, это хорошо. Ты увертлив, как змей. Знай свое место, и я возьму тебя на дело. Завтра мы идем в порт за апельсинами. Ты будешь стоять на стрёме. Придет время, и, возможно, я потяну за тебя мазу, помогу стать настоящим форточником.

— На стрёме я постою, — сказал я.

И я стоял на стрёме в тот день. Мы набрали полные рубахи апельсинов. Это был маленький праздник. Я не ел прежде апельсинов. Наверное, оттого, что они не растут в Одессе. Без них можно прожить. Есть черешня, шелковица, вишня, абрикосы, орехи...

— Ты классный стрёмщик, — сказал Котька. — Ты можешь быть неплохим пацаном. Но ты должен избавиться от страхов. Попробуй заплыть за брекватор*, за Черные камни, — указал он рукой в море. — Это морская миля.

— Я смогу, — ответил я.

— Ну что ж, завтра мы поплывем.

Но он не доплыл до Черных камней. И мне пришлось тащить его к берегу. Я плыл и думал о том, как я теперь избавлюсь от искушения возвыситься в собственных глазах. Бог посылал мне новое искушение. Оно было сильнее страха утонуть. Мы поплыли одни. И вдруг судорога свела у него ногу. Мышцы правой ноги стянуло в жгут. Он выл от боли и барахтался. Я подsunул левую руку под его предплечье. Он лежал на спине. Я плыл и греб правой рукой. Почему-то я боялся в эти минуты не за себя, я боялся, что он утонет. На меня лег груз ответственности, это мне помогало, я вырос в собственных глазах. И устыдился этого чувства. В ста метрах от берега моего заклятого врага отпустила судорога. Тут было теплое течение. Но он не верил в себя, он уже не мог держаться на воде. Он запаниковал, стал бить по воде руками, завопил вдруг истошно: «Помогите!» Но кто мог помочь на пустынном берегу?

Одинокая фигура ковляла к урезу воды. Но этот субъект был преисполнен ленью и явно не выказывал оптимизма. Долетел ли до его сонных ушей панический крик моего друга?

Я ударил Котьку по лицу, это его несколько отрезвило, он перестал биться и вытаращил на меня глаза, затем проговорил дрожащими фиолетово-синими губами:

— За что? — Потом он заплакал.

Я сказал:

— Не дрейфь, пацан! Ты доплывешь. Ты Котя Пересыпский, ты заводила! Нас ждут горы апельсинов... и бананов.

— Брось меня! — ответил он поникшим тоном. — Мы утопнем.

— Нет уж, — сказал я и снова врезал ему за такие слова по лицу.

— Ты... ты... — лепетал он, задыхаясь от гнева. Он хотел оттолкнуть меня, но я держал его мертвой хваткой за предплечье.

И тут от песчаного берега отделилась странная фигура, к нам плыл отставной одноногий гарпунер из соседнего двора, по кличке Жора Микитов. У него была деревянная левая нога, отполированная до умопомрачительного блеска. Этот человек был на треть деревянный. Перед праздниками Первого мая и октябрьскими он подстругивал культу, набивал новую набойку и лачил кистью дерево. По большим политическим праздникам он покрывал древко черным нитролаком и полировал свое детище до парадного блеска. Жора Микитов сразу просек, как бывалый моряк, что у нас что-то неладно. Микитов был отличный пловец. Он плыл к нам бойким тайваньским кролем, выбрасывая руки далеко вперед и тараня воду лысоватой макушкой, походившей на форштевень. Его деревянная нога весело и задиристо прыгала сзади в мелкой волне, как буюк. Я удивился, почему он не отстегнул ее. И вот за эту ногу теперь держался Котька и дрейфовал к берегу. Мой друг был спасен. С этого дня он стал очень милым и улыбчивым человеком.

* *Брекватор* (от англ. break water: to break разбивать + water вода) — гидротехническое сооружение на воде (в море, на озере, водохранилище или реке), предназначенное для защиты береговой линии или акватории порта от цунами, течений льда и наносов. От мола отличается тем, что не примыкает к берегу.